

сучасным чытачом персанажа як камп'ютэрнага віруса, месцам жыхарства якога з'яўляецца загрузачны сектар – бібліятэка. Калі праводзіць далейшую аналогію са сферы стасункаў чалавека і машыны, то «антывірусам» павінен стаць Вільгельм. Але гэтага не адбываецца. Якраз тут назіраецца відавочны разрыў бінарнай апазіцыі, актуалізаваны ў філасофска-эстэтычным аспекце: калі Хорхе – смерць, то Вільгельм, адпаведна логіцы філасофскай гістарычнай традыцыі, павінен сімвалізаваць нараджэнне, як генетычна звязанае, таму што смерць ёсць не адсутнасць жыцця, а яго завяршэнне. Францысканец паўстае як персаніфікацыя ідэйнай квінтэсэнцыі жыцця, якому ўсё ж даводзіцца сутыкнуцца са смерцю – неад'емнай сваёй часткай.

Такім чынам, падобны спосаб выяўлення парадыгмы «дабро – зло» ў раманах Уладзіміра Караткевіча і Умбэрта Эка, ідэйна-сэнсавым цэнтрам мае адрозныя светапоглядныя імператывы. Ядром парадыгмы ў рамане «Хрыстос прыямліўся ў Гародні» з'яўляецца сістэма чалавечых каштоўнасцей, яе трансфармацыя і ўвасабленне ў разнастайныя аксіялагічныя канфлікты. Раман «Імя ружы» цэнтруе змененую парадыгму ў праксеалагічным кампаненце – у перакананнях і дзеяннях персанажаў.

Літаратура

1. *Верабей А.* Уладзімір Караткевіч: жыццё і творчасць /А.Верабей. – 2-е выд., дапрац. і выпраўл. – Мінск: Беларус. навука, 2005. – 271 с.
2. *Караткевіч У.* Збор твораў: у 8 т. / У.Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1990. – Т. 6: Хрыстос прыямліўся ў Гародні: Раман. – 494 с.
3. *Лотман Ю.* Выход из лабиринта / [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature3/lotman-98.htm> /. – Дата доступа: 28.04.2010.
4. *Скоропанова И. С.* Русская постмодернистская литература: учеб. пособие / И.С.Скоропанова. – 3-е изд., исп. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 608 с.
5. *Фейерабенд Пол.* Против метода. Очерк анархистской теории познания./ [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/feyer01/index.htm> /. Дата доступа: 28.04.2010.
6. *Эко Умберто.* Имя розы / пер. с итал. Е.А.Костюкович/ Умберто Эко. – СПб.: Симпозиум, 2002. – 632 с.

РУССКОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И СЛУЧАЙНЫЕ ЧИСЛА

В. В. Порицкий

Витгенштейн в «Коричневой книге» говорит: «Если мы отдаём человеку приказ: *Назови любое число, которое пришло тебе на ум*, – он, в общем, может исполнить его сразу же» [1, с. 151]. Было сочтено возможным положить это наблюдение в основу простого психолингвистического эксперимента.

Когда мы предлагаем собеседнику назвать какое угодно, случайное с его точки зрения число, имеет место опыт по определению ассоциативной нормы, суженный до гипонимов, – как если бы на стимул *животное* просили отреагировать не произвольным словом (таким, как *растение*, *домашнее*, *дрессировать...*), а именем конкретного вида животных. Назвать какое угодно число – значит, по-видимому, не составить его из цифр в момент речи, а уже готовым достать из памяти, не очень далеко «заглянув» туда. Несомненно, есть числа, которые находятся в памяти «ближе» и «дальше», или – другая метафора – весят в памяти «тяжелее» и «легче». Вес числа может определяться:

- частотой его наименований в речи, воспринимаемой и порождаемой индивидом (одни числа чаще, а другие реже человек слышит-видит-называет);
- силой впечатлений, связанных с ним у данного индивида (многие считают, что есть числа счастливые и несчастные для них);
- социально-культурным статусом этого числа, мнением о нём целого языкового коллектива.

Первый и, как представлялось нам, основной из этих трёх аспектов нуждался в конкретизации ввиду того, что респондентами опыта выступали ученики средних и старших классов. В речи, которую воспринимают и порождают школьники, статистически значимую частоту должны иметь названия чисел из следующих рядов:

- актуальные идентификаторы чего-либо: сегодняшняя дата и текущий год, номера параграфов, страницы учебников...;
- актуальные идентификаторы кого-либо: телефонные номера и дни рождения знакомых, номера домов, квартир, паспортов, ICQ...;
- числа в учебном материале: ответы на решённые задачи, свежее выученные исторические даты...;
- числа-оценки: баллы от 0 до 10.

Ожидалось, что школьники будут называть в качестве случайных достаточно малые натуральные числа, в пределах десяти тысяч, и что лишь некоторые из них выйдут за рамки наивно-математического понимания числа вообще как числа натурального и напишут нечто наподобие -18 , $5/7$, $\sqrt{2}$.

Было опрошено 144 ученика 6...8 классов СШ №123 и 223 ученика 10...11 классов Лицея №2 г. Минска. Это количество респондентов соотносимо с выборками, на которых основаны статьи Русского ассоциативного словаря, где учтено, как правило, 100 либо 500 реакций на каждый стимул. При первичном анализе ответов респондентов выяснилось, что представление о случайном числе у младших и старших подростков резко различается. 6...8-классники преимущественно называли «круглые» числа, которые являются номиналами белорусских денег (80 ответов из 144).

Это объясняется тем, что в школах часто собирают небольшие денежные взносы на различные нужды, проговаривая при этом названия чисел-номиналов. В старших классах не обнаружено данной закономерности: респонденты гораздо чаще отвечали культурно или субкультурно значимым числом, таким, как 7, 13, 666, π .

Правомерно сделать вывод, что существует сильная связь между возрастом человека и «весовым распределением» чисел в его памяти. Быть может, по мере усвоения индивидом каких-то стереотипов и норм в его языковом сознании «набирают вес» числа, которые уже имеют большой вес в сознании всего общества, и ослабляются числа актуальные, сиюминутные.

Интересно, что старшеклассники отвечали нечётными числами значительно чаще, нежели чётными (137 реакций из 223). Объяснение этого факта мы получим, рассмотрев вопрос о том, как соотносятся данные эксперимента с частотами имён числительных в речи. Дальнейшее рассмотрение ведётся на примере чисел от 1 до 10, эталонными реализациями которых признаются соответствующие русские количественные числительные.

В подкорпусе художественных текстов Национального корпуса русского языка числительные первого десятка по убыванию частоты выстраиваются, как показано в табл. 1. Наш опыт в той его части, которая относится к старшеклассникам, дал для чисел первого десятка противоположное частотное распределение (табл. 2). Промежуточное положение занимает статистика поисковых запросов *Google Trends* для русских числительных (табл. 3).

Таблица 1

	N _{абс}	N _{отн}
один	202242	100%
два	95249	47%
три	45551	23%
пять	22976	11%
четыре	16954	8%
десять	16721	8%
шесть	9451	5%
семь	9329	5%
восемь	6820	3%
девять	4085	2%

Таблица 2

	N _{абс}	N _{отн}
7	22	100%
8	10	46%
9	7	32%
3	7	32%
1	6	27%
6	6	27%
5	4	18%
10	4	18%
2	1	5%
4	1	5%

Таблица 3

	N _{отн}
<i>три</i>	100%
<i>два</i>	96%
<i>один</i>	75%
<i>семь</i>	30%
<i>пять</i>	20%
<i>четыре</i>	14%
<i>шесть</i>	11%
<i>девять</i>	7%
<i>десять</i>	6%
<i>восемь</i>	2%

Это наблюдение показывает, что в экспериментальных условиях в уме носителя языка как бы «переворачиваются» априорные частотные распределения, и он склонен отвечать не самыми частыми (обыкновенными, неинформативными) наименованиями чисел, а, напротив, словами, сравнительно редкими в речи, но богато семантизированными в языке. Возможно, именно стремлением к максимуму информации, к неожиданности объясняется выбор нечётного числа, которое мыслится «менее обычным», чем чётное.

После статьи Л. В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений» [2, с. 24–39] распространился взгляд, согласно которому исследование совокупности записанных фактов речи (говоря по-современному, корпусное исследование) и эксперимент (психолингвистическое исследование) – это равноправные пути описания языковой системы, ведущие к одинаковым результатам. Так, А. Е. Супрун и А. П. Клименко пишут: «Результаты ассоциативных экспериментов отражают связь между наиболее частыми ассоциатами и частотностью слов» [3, с. 21], – и далее прямо говорят о «свойстве ассоциативного эксперимента имитировать количе-

ственную сторону организации словаря».

Главный, как кажется, смысл нашей заметки в том, чтобы показать упрощённую схематичность этой точки зрения и дать к ней контрпример. Возможны, оказывается, случаи, когда употребление некоторой группы лексем в речи и её же ассоциирование в условиях опыта частотно организованы по-разному, с корреляцией, близкой не к 1, а к –1. И причина здесь лежит в прагматике: целеустановки тех, чьи тексты вошли в корпус, и тех, кто участвовал в эксперименте, резко разнятся. У первых употребление числительных отражает (в той или иной мере) количественную организацию мира, а реакции вторых подсвечивают количественную сторону только их сознания, к тому же поставленного в специальные условия.

С описанного опыта мог бы начаться тщательный и глубокий анализ всей наивной математики в её ассоциативном разрезе – анализ связей между наивно-математическими понятиями в уме носителя русского языка.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Голубая и коричневая книги: Предварительные материалы к «Философским исследованиям» / Пер. с англ. В. А. Суровцева, В. В. Иткина. Новосибирск, 2008.
2. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
3. *Супрун А. Е., Клименко А. П.* Ассоциативный эксперимент в ряду других методов семантических исследований // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977. С. 17–24.

«БЕЛОРУССКИЙ ТЕКСТ» В ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВЕ А.А. БЛОКА

Е. И. Путырская

Период пребывания А.А. Блока во время Первой мировой войны (с июня 1916 по март 1917 года) не раз освещался в блоковедении. Сам поэт так говорит об этом этапе в своей жизни: «Что вы называете писать? Пачкать чернилами бумагу? Откуда вы знаете, пишу я или нет? Я и сам это не всегда знаю» [2, с. 208]. Блок многолик в своем творчестве: поэт-символист, драматург, критик. А. Блок многолик и в своих жизнетворческих масках: то «рыцарь-мистик» и «поклонник Прекрасной Дамы», то в «Богемно-шутовской» маске поэта, «пригвожденного» к трактирной стойке. А. Блок на Пинских болотах по его самоопределению - «сейсмограф исторических встрясок России» [3, с. 319].

Война вынудила А.А. Блока служить табельщиком в 13-й инженерно-строительной дружине, расквартированной в прифронтовой полосе белорусского Полесья. Основная деятельность дружины заключалась в сооружении окопов, блиндажей, временных жилищ. Письма и дневниковые записи Блока Пинского периода свидетельствуют о резкой перемене в